

Фламме

Ночной ангел

Ночной ангел

— Что-то вы нас совсем забыли, — приветливо сказал редактор небольшой газеты своему внештатному сотруднику Пантерову. — Пропали, не заходите, а ведь скоро Новый год, давайте, давайте что-то!

Если бы кто-то поглядел на них со стороны, то невольно бы рассмеялся: зрелище было более чем комическое. Огромного роста, невероятно толстый, с пушистыми усами редактор больше соответствовал фамилии из семейства кошачьих, чем его плюгавенький сотрудник. Антон Пантеров был лыс, и глаза его выражали вселенскую скорбь. Скорбеть Пантеров умел по любому поводу, со вкусом и долго.

Благодушно напутствовав Пантерова, редактор шумно вздохнул и выбрался из-за стола.

— Давайте, давайте что-нибудь светлое, разумное и вечное, — сострил он. — И не забывайте, что вечное требуется до последней пятницы месяца. Да нет же! Раньше. В пятницу газета выходит, день на вычитку, день на верстку, это значит, — он послонявил жирные пальцы и

перевернул лист календаря, — это значит, у вас срок до будущего вторника. Дерзайте, Пантеров, читатели вас любят!

Улыбаясь собственной остроте, он важно прошагал мимо грустного Пантерова. Тот сосредоточенно смотрел на свои ботинки. У левого начинала предательски хлюпать подошва.

«Легко сказать: «давайте светлое», — угрюмо думал Пантеров, шагая по вечерней улице, — а если у тебя дома ворчливая жена, сломанный холодильник и трое детей, которые калякают письма Деду Морозу, получать которые должен я? И доставать все, что они понарисовали?».

Он вспомнил, что с утра ничего не ел, кроме печенья с чаем, и сглотнул голодную слюну.

Дома его встретила жена в отнюдь не соблазнительном халатике.

— У Камиллки запор, — твердо сообщила она с порога. — Нужна сухая ромашка. Я клизмочку поставлю.

Из ванны доносилось плаксивое кряхтение. Трехлетняя Камиллка ныла, методично раскачиваясь на горшке.

Из комнаты выскочили ее близняшка Тамилка и пятилетняя Софочка.

— Папа-а-а! — повисли они на Пантерове. — Ты что нам принес?!

— Потом, потом, — отмахнулся устало

Пантеров. — Да погодите галдеть! Мама что говорит?

— Что-что?! Оглох, что ли?! — заорала жена, перекрикивая вопящую Камиллку. — Ромашку возьми и кафиол, слышишь?! Подожди, зайди в продуктовый, масло закончилось растительное и сахар.

— Я же позавчера сахар покупал!

— Это же твои дети чай сладкий требуют! Что, я весь сахар потребляю?!

— Мама-а-а, не поюсается! — снова захныкала Камиллка.

Пантеров вышел за дверь. Есть ему расхотелось.

«Ну, вот о чем тут можно написать? — думал он по пути в аптеку. — Как может вообще вдохновение прийти в этом бедламе?! Юная девушка ждет любви и происходит чудо: она выходит в магазин и встречает прекрасного молодого парня? Нет, старо, банально... Одинокая бабулька, отчаявшись увидеть своего сына и его семью, живущих в другом городе, в новогоднюю ночь выглядывает перед сном в окно и видит, как у подъезда останавливается роскошная белая машина и из нее вываливаются ее нарядные внуки с подарками, крича: «Здравствуй, милая бабушка!» Следом появляются красивая невестка и сын, убеленный сединами. Он взволнованно опускается

перед старушкой на колени и шепчет со слезами на глазах: «Прости, мама». Все это на лестничной площадке, бабулька в байковой ночнушке, соседи выскочили смотреть. Все умиленно вытирают слезы, растроганная бабулька ставит чайник и зовет всех, включая соседского кота, пить чай! Хеппи энд! Чушь! Избито, не ново.»

— Мне ромашку сухую и кафиол, — буркнул Пантеров миловидной аптекарше, и взяв покупку, отправился в продуктовый магазин.

Дома его встретил детский ор, натужное гудение стиральной машины и густой запах тушеной капусты.

— Есть будешь? — спросила жена. — Она никак еще. Давай ромашку. Завтра врача вызову. — Садись, ешь, там тушеная капуста с котлетой.

— Не хочу. Потом.

— Ты ел где-то? — спросила жена с подозрительной интонацией в голосе, но тут Камилла заорала снова и она бросилась в ванную.

Пантеров прошел на застекленный балкон, где обыкновенно работал за небольшим столиком.

Он сидел уже два часа. Ничего не выходило. Из-за неплотно закрытой двери до него доносились вопли девчонок. Камилле помогло снадобье, и она сейчас весело скакала с сестрами. Жена иногда иронично прерывала их крики: «Не шумите, девочки. Папа творит! Папа — большой писатель!»

Наконец, дети уgomонились и уснули. Жена вышла к нему.

— Что случилось? — спросила она — Ты почему не ешь? Ну, я же не виновата, что особо не из чего выдумывать. Что было, то и приготовила.

— Все нормально, — отмахнулся Пантеров. — Просто не хочется. Я чай попил с бутербродами. Рассказ надо написать.

— О чем? — спросил жена, но тут запищал чайник и она, не дожидаясь ответа, побежала в кухню.

«А сейчас она пойдет вывешивать белье, наше — на балкон, детское — на кухню. Потом нальет себе чай, приляжет на диван смотреть телевизор и уснет. И я трону ее за плечо, но она уже не воспримет этот жест как давний милый условный знак между нами. И мы не ляжем в постель вместе, и не займемся любовью, и не будем этой ночью счастливы, потому что она смертельно устала, а мне надо закончить и выправить этот чертов рассказ до вторника, а у меня ничего не получается!»

Ночь перевалила за половину. Жена давно всхрапывала на их общем диване, в маленькой детской посапывали девчонки. Пантеров поправил одеяло на старшей, прикрыл высунувшуюся ножку Тамилки. Одна Камилла, намаившаяся за день, спала как солдатик.

«Завтра с утра подумаю», — сказал он сам

себе, вытягиваясь рядом с женой на диване. Она пробормотала что-то и повернулась к нему спиной. Пантеров заметил, что в лунном зеленоватом свете ее черты стали резче и строже, а в волосах протянулись первые белые нити.

*А годы летят,
Наши годы как птицы летят,
И некогда нам оглянуться назад... —*

усмехнулся Пантеров и провалился в сон.

Это был удивительный сон. Он увидел свою бабушку, мать матери, которая жила в другом городе, приезжала к ним редко, была немногословной, тоненькой и порывистой как девушка.

— Тебя что-то волнует? — наклонилась она над Пантеровым, отирая губы уголками платка.

— Рассказ не получается, — честно пожаловался Пантеров. — Да и вообще...

— А ты пиши о том, что у тебя на сердце, — тихо улыбнулась бабушка.

— Это никому не нужно, — вдруг всхлипнул Пантеров во сне. — Я и сам этого боюсь. Знаешь, родная, о чем мне сейчас действительно хотелось бы написать? О том, что и вправду исцеляет душу. О легком, светлом и безмятежном.

Мне хотелось бы попасть сейчас в

какой-нибудь зимний лес, но не дикий, а небольшой, тихий, с мягко падающим снегом, с жемчужным светом, отраженным от снежных веток. Посмотреть, как прыгают снегири с красными грудками, почувствовать плотность и хрупкость снега.

А потом, хорошенько озябнув и насладившись тишиной, прийти в маленький теплый дом, пусть это будет чья-то дача или просто сторожка, выпить горячего чая. И слушать хозяйку или хозяина дома просто так, ни о чем не думая.

А потом написать, как спят в зимнем сне деревья. Ведь каждое дерево наверно спит по-особенному. Сосны, наверно, скрипят и охают. Осины звенят, березы тихо вздыхают.

Как птицы прыгают по снегу. И как вместе с лесным воздухом в душу входят чистота и отдых.

— Ну, так и пиши об этом, — погладила его бабушка. — Смотри-ка, как ижица у тебя вспухла на лбу. До чего себя довел! Все у тебя получится.

— Ты не понимаешь. Нужен рассказ с сюжетом, счастливая новогодняя история. А мне в голову ничего не лезет, ничего. Устал. Ты прости меня, я пропускаю день твоего рождения, день смерти, редко прихожу на кладбище. Устал...

— Мертвые не обижаются, Тошенька. Помнишь, я тебе говорила: «Живая собака лучше мертвого льва».

— Какая глупость!

— Нет, это не глупость. Это — царь Соломон. И это правда. Все, что ни есть, есть в этой жизни.

— А там?..

Вместо ответа бабушка, просунула под него бесплотные ладони и покачала как младенца.

— Помнишь, как ты подарил свой новый мячик мальчику из соседнего дома? Его мячик был совсем старый, потертый, а ты отдал ему свой.

А помнишь девочку, которая тебе нравилась в пятом классе? Ты даже дернуть ее за косичку не смел, а только вставал так, чтобы тень от нее на стене падала и на тебя?

А помнишь, как ты с первой стипендии купил матери чайный сервиз, о котором она давно мечтала, но денег на него не было?

— Одна чашечка сохранилась, — тепло улыбнулся Пантеров.

— А помнишь это? А это? — невозмутимо продолжала перечислять бабушка. И чем больше перечисляла бабушка маленькие добрые дела Пантерова, о которых он уже давно позабыл, тем больше теплело в его душе, словно там распускался невиданный светлый цветок, и хотелось пить его нектар бесконечно.

— Мне жаль молодости, — трудным голосом произнес Пантеров. — Куда все девалось?

— Ты мой маленький! — прозрачно

рассмеялась бабушка. — Раз ты говоришь это, значит, ты еще молод.

— Как это?

— Дней рождения боишься только в середине жизни. Радуешься им в детстве и в конце. Чем старше становишься, тем больше ценишь жизнь. Дню рождения радуешься, потому что еще один год прожил достойно, мирно, и может быть, счастливо.

— Да где оно, это счастье?

— Внутри тебя. Смотри!

Бабушка вдруг превратилась в маленькую пылающую свечу. И в огне ее, как в зеркале, увидел Пантеров себя сначала маленького, потом — юношу, жениха, мужа, отца.

— Мама! — вдруг послышался сонный детский голос.

Пантеров осторожно прошел в детскую. Камилла сидела в кровати и собиралась заплакать.

— Ну, что случилось, малыш? — прошептал Пантеров. — Не кричи, мама спит, она устала.

— Ну и я суметь не стая, — пробормотала девчушка наизусть.

— Ты моя хорошая, — поцеловал Пантеров влажную ручку дочери. — Животик болит?

— Нит! Ни бойит. Я скаску хотю.

— Ну, какая сказка, ночь уже давно! — Пантеров поднял дочь на руки, поднес к окну. За стеклом, в темно-серой мгле, чуть прорисовывались

очертания деревьев.

— Скаску, — упрямо повторила девочка и положила голову на плечо отцу.

— Ну, хорошо! Только тихо. Жил-был мальчик и была у него бабушка. Самая лучшая бабушка на свете. Она была такая хорошая, что мальчик называл ее ангелом. И потом когда мальчик вырос, бабушка действительно стала ангелом.

— С кыйысками? — сонно спросила Камилла.

— Да, с крылышками. Она всегда прилетала к нему, когда ему было тяжело, и помогала ему.

— А ко мне?

— И к тебе прилетит. Она ко всем прилетает.

— Тамийке?

— И к Тамилке, и к Софочке, и к маме! Спи, моя хорошая!

Пантеров прислушался. Дочка дышала ровно. Сладок детский предутренний сон! В окно светила мохнатая звезда, словно та волшебная свеча, что еще горела в нем.

«Спасибо, бабушка!» — мысленно поблагодарил Пантеров, осторожно положил Камиллу в постель и быстро прокрался к своему письменному столу.

Во вторник перед вальяжным редактором газеты лежал новый рассказ Пантерова «Ночной

ангел».

— Ну, — растроганно произнес редактор. — Ведь можете, когда хотите. Тепло, нежно, по-новогоднему. Бабушка-ангел — это замечательное решение. С верой в чудо, что у каждого есть ангел-хранитель, прощающий и защищающий. Молодец! Теперь опять пропадете?!

— Не знаю, — улыбнулся Пантеров. — Наверное, нет!

— У вас и самого настроение стало лучше. Пишите больше, все тревоги улягутся.

— Спасибо, — усмехнулся Пантеров.

...А счастье внутри теплилось, как свечка.

Хороший это все-таки праздник — чудесный Новый год!

Март. Бирюза

День начинался светло-серым, словно неведомый божественный художник в минуту тоски или творческого наития выбросил все краски и оставил только одну — серую с легким жемчужным оттенком. Легчайшими серыми были абрисы домов, веточки деревьев, влажный асфальт и отовсюду тянуло неуловимым запахом который только намечал весну. И приятно было стоять на влажной террасе и дышать голым холодком весны,

и знать, что начался уже могучий гон жизни в земле, заскорузлых стволах, холодном и нежном цветении миндаля.

Художница любила эти рассветные часы последних дней февраля и начала марта. Она вспомнила слова своего педагога в художественной академии, чудаковатого, вечно прихорашивающегося старика, влюбленного в творчество Левитана: «Если вы хотите научиться рисовать — изучайте книги по рисованию и слушайте лекции, а если хотите научиться писать — вбирайте в себя мартовские утра. Пейте их как вино, смакуйте, вдыхайте каждой клеточкой, запоминайте каждую черточку, мельчайший переход цвета. И вникните, вникните в их воздушность, жемчужность, невесомость, ибо они неповторимы. Не-пов-то-ри-мы!!! Запомните это! Кто постигнет чудо мартовского утра, тот будет писать все. И, да осенит вас легкая кисть Левитана!»

Старик-профессор любил выражаться возвышенно и туманно и студенты подсмеивались над ним и называли — «Левитанистый наш». Но художница запомнила этот завет, и он не обманул ее. Она встречала его в разных городах и весях, но неизменным в это время оставались подъем в пять утра и «Песня жаворонка» Чайковского — старая запись на диске.

Каждый март раскрывался по особенному. Иногда светло-серый свет разбавляли тончайшие ноты зеленого, в другой раз — розового, сиреневого, янтарно-желтого. Но эти цвета были робкими, словно божественный художник сомневался, не утяжелят ли они его любимый нежно-серый, не нарушат ли его акварельную хрупкость.

Поэтому сегодня, выйдя на террасу, она ахнула. Никогда еще так властно, даже нахально, не вторгалась в женственную симфонию серого яркая небесная бирюза, и маленькие дрозды, словно сговорясь, устремили в нее свою ликующую трель.

Художница машинально потрогала бирюзовые бусы на шее. С ними она не расставалась: ей привез их будущий муж из командировки в Шираз и утверждал (по словам торговца!), что это знаменитая персепольская бирюза из древнего великого города, разрушенного Александром Македонским.

В то, что бирюза чудом выжила после похода Александра, верилось с трудом, но все же в словах — «персепольская бирюза» было что-то магическое. Художница прикасалась к прохладной лазури с бронзовыми прожилками и ей казалось, что это окаменевший отблеск знаменитого пожара Персеполя, устроенного Таис Афинской.

«Бирюза — камень и цвет счастья, —

вспомнилось ей давно прочитанное. — Она приносит счастье в любви и предохраняет от падения с коня».

Художница усмехнулась. На коня ей садиться не приходилось, а счастье в любви состоялось, но было совсем недолгим. Да и может ли искристое счастье быть долгим? Муж был альпинистом, самозабвенно любил горы — они притягивали его своей разноликостью; морем он восхищался, но считал его однообразным, а горы были страстью. И песня «Лучше гор могут быть только горы» будто была написана для него. Снова и снова штурмовал он бирюзовые вершины и однажды шагнул в бирюзовую синь чужих глаз, потому что лучше гор могут быть только горы, **На Которых Еще Не Бывал**.

На память о нем остался маленький дом с террасой, увитой синим вьюнком и цветком со смешным названием «сердечко Жаннеты», бирюзовые бусы и несколько фотографий мужа в свитере, с трубкой и бородой а-ля Хемингуэй.

Несколько заполошных романов после мужа принесли ей яркое, мимолетное счастье. В каждом живом существе, если оно чувствует любовь и заботу о нем, возникает нечто, чего оно не сознает, но, что хоть на мгновение осеняет его душу, и на языке людей называется признательностью. И она думала о своей жизни с тихой нежностью, с той

изысканной, деликатной благодарностью, которая отличает искренние светлые чувства. Не столь важно, кто или что оставляет зарубки на твоём сердце, главное, чтобы его собственный отзвук был чистым и верным.

Художница наугад взяла с полки книгу. Она знала, что это за книга, помнила ее почти наизусть, и знала, что раскроется именно эта страница:

«Зачем я жил? Для какой цели я родился?... А, верно, она существовала, и, верно, было мне назначение высокое, потому что я чувствую в душе моей силы необъятные... Но я не угадал этого назначения, я увлекся приманками страстей пустых и неблагодарных; из горнила я вышел тверд и холоден как железо, но утратил навеки пыл благородных стремлений, лучший цвет жизни».

Еще с детских лет пронзили ее эти строки. И молодой поэт с сумрачным взглядом словно предопределил ей судьбу, и если бы можно было вернуться сейчас в те зыбкие бессмертные, юные года, то только затем, чтобы угадать свое назначение. А может, оно в том, чтобы встречать на холодной террасе мартовские рассветы и верить, что увидишь среди них самый неповторимый и тогда написать красками свой маленький шедевр, написать непременно, хоть когда-нибудь!.. Кто знает?..

А небесная лазурь разгоралась все ярче, властно прорезала, раздвигала серое утро, и вот уже первые лучи вспыхнули на оконном стекле, брызнули на стены, на поникшие листья «сердечка Жаннеты», скользнули по чуть привядшим, но все еще ярким губам художницы. Она улыбнулась и пододвинула к себе мольберт, краски и кисти.

...Новая картина была названа «Март. Бирюза»

Мыс радости

Номинация: Триумф короткого сюжета

Мне хочется про вас, про вас, про вас бессонными стихами говорить

В.Нарбут

Это неправда, что человек хочет богатства, власти и благ. Человек, если здоров, хочет счастья. И даже, если нездоров — тоже. Если хоть какая-то крупинка его души и тела жива — то он малой этой крупинцей жаждет свободы и простого человеческого счастья, желания любить и быть любимым. Не верьте тем, кто говорит: было бы здоровье, крыша над головой и кусок хлеба, а все остальное приложится. Это они или лукавят, или только вступают в жизнь, или измучены ею

настолько, что ничего более не хотят. Это им только кажется! Тяга к счастью — то же, что тяга к жизни. Неистребима, как плющ!

Сетуя на то, что жизнь наша скучна и скудна на события, мы забываем порой, как много интересного можно найти вокруг, как много, например, могут рассказать скромный цветок, поломанная старинная пуговица, заброшенный чердак или подвал с пыльным содержимым. Надо только посмотреть на них с любовью и вниманием. Впрочем, на все в мире лучше изначально смотреть именно так.

... Любовь ведет нас тропинкою узкою, волк подчас по такой тропе идти боится. Наши герои (нужны ли тут имена?!) встретились и потеряли счет времени. Время плыло мимо них, — тягучее, с прерывистым дыханием страсти. Время качалось в глазах и застывало. И слова становились ненужными, таяли и растворялись. Эти двое творили новый мир, новое время и новый алфавит.

* * *

В 2007 году Нана с мужем переехали в новый дом. Новый — это громко сказано. Двухкомнатная хрущевка на первом этаже с маленьким палисадником и большими проблемами досталась им по наследству от бабушки мужа. Проблемы в

виде обваливающихся стен, прогнившего пола и веселых крыс в ванной требовали скорейшего разрешения и денег. Последние в отличие от проблем поступали медленно. Призвав на помощь смекалку, супруги одели стены в недорогие обои, на самые гнилые части пола уложили метлах, а против крыс выставили армию санинструкторов и кошек. Кошки помогли больше!

С ремонтом дома, наконец, удалось разобраться. Оставался подвал под балконом. Трудно было бы найти более заваленное строение! Чего там только не было! Ржавые мангалы, водонагреватели, старые чемоданы, пыльные банки, коробки, мешки с окаменевшим цементом, трубы, куски шпал и прочая рухлядь. Там надо было не прибираться, а делать археологические раскопки. Неизвестно, какие культурные пласты залегали в подвальных недрах!

Нана с мужем держались долго. Ленились и обходили подвал стороной. К тому же спускаться туда надо было, согнувшись в три погибели. Но, сколь веревочке не виться... Пришла очередь и подвала! Первыми оттуда выгребли мешки с цементом, следом полетело ржавое железо, и вскоре палисадник вместо роз украсился старьем всех форм и размеров. Пыль печальными плюмажами колыхалась на них, и кошки, недовольно чихая, отряхивали паутину с лап.

Флегматичный супруг Наны заявил, что больше в этот день не прикоснется ни к чему! Потирая спину и, охая, он поднялся в дом и плюхнулся на диван. Охов было явно больше, чем того требовало ушибленное место!

Оставив его наедине с дочкой, телевизором и стаканом чая, Нана вернулась в палисадник. Любопытство снедало ее, и в этом она была похожа на своих пушисто-мяукающих питомцев.

Ржавое железо ее не вдохновило. Удивительным показался только кусок шпалы с выбитой на ней цифрой «1906». Означало ли это год или неведомый номер, она так и не поняла.

Около коробок с банками валялся саквояж неопределенного цвета. Последний раз такой громоздкий саквояж Нана видела в руках соседа своего отца, детского врача Марка Борисовича Базакуцы. От саквояжа всегда вкусно пахло кожей и земляничным мылом. Нана любила наблюдать, как Марк Борисович доставал из него бутылки с лекарствами, молоточки и сверкающий фонендоскоп.

Извлеченный саквояж, по-видимому, был когда-то темно-зеленым, но пыль десятилетий так прочно въелась в него, что он стал серым. Замок же был красным от ржавчины.

Нана сбила замок и немедленно начала чихать! Из саквояжа поднялось пыльное облачко, и

радостные мокрицы поползли в разные стороны. На дне его лежала банка с засохшей мастикой и какая-то ткань. Мاستику женщина выбросила, а тканью оказалась широкая розовая юбка с кружевами на подоле. Кружева были подогнуты, и в них шелестело что-то.

Нана отодрала кружева. Ткань с противным треском сама расползалась в руках. Из нее вывалился целлофановый пакет, в котором оказалась связка бумаг, перевязанных синей ленточкой. Это были письма, написанные карандашом, бледным, едва различимым. Ветхая бумага рвалась на глазах, и... любопытство победило воспитание! Нана принялась читать:

«Милая моя, любимая, единственная! Как же я успел соскучиться! Помните день маскарада? Я чуть было не потерял вас. Мне стало страшно. Показалось, что вас больше никогда не будет в моей жизни, что вы исчезнете навсегда. Ах, какая вы были красивая! Вы всегда красивая, но это голубое платье с голубыми замшевыми туфельками... Вы были восхитительны! У нас дожди, но ваши любимые гиацинты цветут. Посылаю вам мысленно их все: синие, белые, розовые. Целую их лепестки. Летите, поцелуйте и гиацинты к моей ненаглядной, трепетному моему цветку!»

Вначале Нана усмехнулась. «Сопли!» — как

выражалась ее десятилетняя дочь. А потом... Сердце заныло от этих пронзительных строк. К черту воспитание! Нана схватила другое письмо.

«Я думаю о своей милой, наполняющей все мое существование. Как многим я обязан тебе! Если бы не ты, твоя воля к победе, твоя целеустремленность из меня никогда не вышло бы ничего путного. Все чего я добился в жизни, все, что не только знаю, но и умею, ибо знание без дел — мертво! — это все ты, это все — тебе! Очень много работы. И это тоже ты — мое счастье! Не было бы твоего напора, я бы никогда не решился поехать в эту экспедицию. Здесь очень жарко и очень красиво. Весь город белый. Солнца так много, что оно выбеливает улицы, стены домов и даже песок. В песке много ящериц, они греются на солнце. Хорошо, не буду, не буду! Знаю, как ты боишься всяких ползучих существ! Но поверь, они очень грациозны. Конечно, не грациознее тебя! Обнимаю тебя и деток. Скажи, что папа наказывает им слушаться маму и не огорчать ее. Когда вернусь, привезу вам расписные тубетейки, тебе золотую шаль, и лепешки. Не поверишь, тут удивительные лепешки! Круглые с витыми краями и на всех узоры! Хочешь — ешь, а хочешь — храни на память, хоть тысячу лет. Она окаменеет, а узор не пропадет. Сегодня было такое пекло, что я снял с себя все, кроме штанов. Так и ехал на ишаке в

штанах и без майки. Ишак обернулся, заорал и помчался как цирковая лошадь! Сбросил меня в кусты, проскакал немного и встал намертво! Я его понимаю, хотя мне и досадно. Он, наверно, никогда не видел человека без майки! До нашей стоянки добирался пешком. Осла уговорить не удалось. Посылаю тебе с оказией две кофточка для детей и одну зеленую — для тебя. В мешочке — бусы из бирюзы. Здесь ее называют камнем счастья. Это тоже тебе».

Никогда Нана не слышала и не читала таких обжигающих нежностью слов. Язык любви зачастую темен и груб, и почти всегда обыден. Тем удивительнее прикосновение к чуду, как будто бы у нее на глазах из ила и грязи вдруг распускалась белоснежная кувшинка.

«Здесь, дорогая, я услышал очаровательную легенду. Мне ее рассказал местный старичок, прицокивая языком и подвывая. Он делал частые паузы, очевидно, чтобы больше поразить меня. Легенда гласит о том, что по пустыне идет человек. Оборачивается и видит, что за ним, с явным намерением его съесть, бежит лев. Человек в ужасе бежит. Спрятаться негде. На пути его яма. Он прыгает в нее, в надежде, что лев уйдет. Ничего подобного. Лев умылся и принялся ждать. Человек, падая в яму не упал на дно, а зацепился за ветки кустарника, росшего на стенах ямы. Висеть трудно,

он хочет прыгнуть на дно и видит, что оттуда на него с интересом смотрит ядовитая змея. Единственное спасение висеть на ветках кустарника. И тут человек замечает, около корней этого кустарника кругом ходят две крысы и подъедают его. Смерть отовсюду. И, что ты думаешь, решил человек? Самое невероятное и дикое! Лев наверху, змея внизу, крысы рядом, а он осматривает кустарник, замечает на нем сладкие плоды и начинает ртом срывать их и есть. Мораль сей притчи — всюду в жизни человека подстерегают опасности и смерть, а он все же находит время и место лакомиться счастьем. Так вот и я лакомлюсь тобою. Ну, как тебе, ласковый мой змей?! Что до меня, то я подарил старичку свою новую папаху, и поехал от него умнее, чем был».

Солнце выпрямилось в ветках граната и встало над головой Наны. Синяя ленточка сползла к ногам. Женщина наугад вытащила еще одно письмо.

«Мысленно оглядываясь на прошедший путь, я не перестаю благословлять день, когда увидел тебя. Я любил тебя всегда: и когда ты была маленькой угрюмой девочкой, в красном берете и чудной девушкой с золотистыми косами. Сколько иронии было в твоей улыбке! Как я любил ее! Как я любил твои глаза в минуту любви! Время началось

в них и застывало. И слова не были нужны, мы творили новое время и новый алфавит. Я любил мучиться тобою. Помнишь, как ты переживала, когда потеряла янтарное монисто, как мы искали его? Это я украл. Я даже не признался тебе в этом, когда ты стала моей женой. Боялся потерять! Характер у тебя не из легких. Но ты же сама это знаешь, мой милый ангел! Я всегда добивался тебя. Меня это немного обижало, всегда казалось, что ты недовольна. И всегда хотелось поразить тебя еще больше. Теперь я понимаю, что все это ты делала из-за меня. Ты направляла меня, ты не давала мне расслабиться, ты побуждала меня идти вперед. И теперь, когда остается уже совсем мало времени, чтобы дышать, чувствовать любить, я еще раз говорю, ты — самое прекрасное, что было в моей жизни. Прости меня, моя ненаглядная, я старался не причинять тебе боли, но, если так случится, помни всегда — я любил тебя.

Помнишь, как-то пошел дождь, ты боялась замочить замшевые туфли, и мы спрятались под навесом какого-то дома? Тебе было холодно, и ты ворчала, что у меня нет ни куртки, ни пиджака. Я обнял тебя, а ты продолжала ворчать, и в это время откуда-то сверху раздалась музыка. Пластинка шипела, но все равно было слышно, как кто-то пел высоким голосом: